

**Антон Антонович Дельвиг
Пётр Александрович Плетнёв
Василий Андреевич Жуковский
Константин Николаевич Батюшков
Петр Андреевич Вяземский
Вильгельм Карлович Кюхельбекер
Денис Васильевич Давыдов
Евгений Абрамович Баратынский
Николай Михайлович Языков
Александр Сергеевич Пушкин
Михаил Юрьевич Лермонтов
Лукьян Якубович
Николай Михайлович Карамзин
Кондратий Федорович Рылеев
Нина Щербак**

**За всё, за всё тебя благодарю я.
Лучшие стихи Золотого века о любви**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6053678*

*За всё, за всё тебя благодарю я....: Лучшие стихи Золотого века о любви: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-39219-1*

Аннотация

Гений Пушкина ослепительной вспышкой озарил небосвод русской культуры, затмив своих современников в глазах широкого читателя. Но Карамзин, Жуковский, Давыдов, Вяземский, Батюшков, Баратынский – это ярчайшие звезды, создавшие современный русский язык и до сих пор согревающие светом своего таланта сердца тех, кто на нем говорит.

Поэтов «пушкинской плеяды» объединяют не только стихи о любви и России, поиски нового слога, рифмы, письма, встречи, литературные общества... Их объединяет благородство помыслов, романтичность, мужская дружба, в чем-то бесшабашность, а главное – преданность идеалам. Их отношение друг к другу, к жизни, к женам и возлюбленным, отраженное в лирике, вписано золотыми строками в мировую историю поэзии.

Содержание

«Ах, обмануть меня нетрудно... Я сам обманываться рад!»	5
Николай Карамзин	13
Прости	13
«Законы осуждают...»	15
К соловью	17
Странность любви, или бессонница	18
Василий Жуковский	20
Цветок	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

За всё, за всё тебя благодарю я. Лучшие стихи Золотого века о любви

© Нина Щербак, сост., вступит. ст., 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

© ООО «Астрель-СПб», оригинал-макет, 2011

* * *

«Ах, обмануть меня нетрудно... Я сам обманываться рад!»

Поэтов «пушкинской плеяды» объединяют не только стихи о любви и России, поиски нового слога, рифмы, письма, встречи, литературные общества... Их объединяет благородство помыслов, романтичность, мужская дружба, в чем-то бесшабашность, а главное, – преданность идеалам. Большинство поэтов того времени принадлежали к дворянскому сословию, получили прекраснейшее образование, участвовали в войнах, которые вела Россия в первой половине XIX века... Их отношение друг к другу, к жизни, к женам и возлюбленным заслуживает восхищения, а иногда удивления... Так бывает!

Петр Андреевич Вяземский родился в 1792 году в Москве. Отпрыск княжеского рода, он принадлежал к старинной феодальной знати. В 1805 году отец поместил сына в петербургский иезуитский пансион, затем Петр вернулся в Москву, где пополнял свое образование, беря частные уроки у профессоров Московского университета. После смерти отца ему, шестнадцатилетнему юноше, осталось довольно крупное состояние. Молодой князь Вяземский вел в эти годы весьма рассеянную жизнь, азартно играл в карты; но вместе с тем именно в этот период у него сложились прочные литературные связи, надолго определившие его творческий путь.

Сам Вяземский так рассказывал о своих юных годах: «С водворением Карамзина в наше семейство письменные наклонности мои долго не пользовались поощрением его. Я был между двух огней: отец хотел видеть во мне математика, Карамзин боялся увидеть во мне плохого стихотворца. Он часто пугал меня этой участью. Берегись, говаривал он: нет ничего жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета».

Затем грянул грозный Двенадцатый год. Вступив в ополчение, Вяземский в чине поручика участвовал в Бородинском сражении, где под ним убили две лошади. За спасение генерала Бахметева он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Вяземский рано стал взрослым человеком. Не достигнув и двадцати лет, он женился на княжне Вере Гагариной – девушке чрезвычайно образованной, милой и необыкновенно, до странности, доброй. Это было взаимное пылкое увлечение двух схожих натур: Вера Гагарина была остроумна, находчива в разговоре, снисходительна к слабостям других и читала книги, подчас весьма серьезные, не для молодых барышень. Князь Петр Андреевич прожил «с княгиней доброй и прелестной» (выражение Пушкина) без малого 67 лет, похоронил семерых детей – последнюю, Марию, совсем уж взрослой, тридцати с небольшим. Княгиня всегда была рядом: и в горе, и в радости. Прощала ему все мелкие слабости, неверные шаги, глупости, увлечения другими дамами (среди которых была и блистательная графиня Фикельмон)... Она только лукаво щурилась, грозила мужу веером, качала головой и удивлялась про себя: что они находят в этом непривлекательном лице с крупными чертами? Впрочем, тут же находила ответ: в ее муже дам привлекала непринужденность и острота мысли. Об отменном светских манерах князя ходили легенды. Графиня Фикельмон во впечатлении о первой встрече с Вяземским сразу отметила: «чрезвычайно любезен». Это было главное, что бросилось в глаза весьма наблюдательной женщине, воспринимавшей этикет как естественную часть жизни.

Свободолюбивые идеи Петра Андреевича тогда окончательно оформились. Он сблизился в Варшаве со многими из тех, кто потом принимал участие в декабристском мятеже и польском народно-освободительном движении 1830-х. Вяземский составлял записку об освобождении крестьян, проект которой предполагалось подать на рассмотрение импера-

тору Александру I. Агент III Отделения доносил своему шефу графу Бенкендорфу: «Образ мыслей Вяземского может быть по достоинству оценен по его пьесе (т. е. – стихам. – Примеч. сост.) «Негодование», ставшей катехизисом заговорщиков»:

Свобода! О, молодая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.

Кстати, Николай I не напрасно как-то заметил: «Князь Вяземский избежал участи арестанта только потому, что оказался умнее и осторожнее других».

Разгром движения декабристов был для Вяземского прежде всего огромной личной драмой. Он терял друзей и единомышленников. Атмосфера в обществе становилась все более тяжелой. Его опальное положение длилось долгих девять лет. В 1828 году оно осложнилось клеветническим доносом на якобы его непристойное поведение. От имени императора московскому генерал-губернатору Голицыну было приказано «внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оно не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни». Это «высочайшее оскорбление» было тем более обидно, что непосредственным поводом к нему послужил опять-таки донос о том, что Вяземский намерен издавать под чужим именем некую «Утреннюю газету». Он же не имел об этой газете никакого понятия.

От мысли эмигрировать Вяземскому пришлось отказаться из-за того, что семья росла и денег было не очень много. Дети часто болели, средства уходили на их лечение. Кроме того, хоть и убежденный враг реакции, но он, как дворянин, был все же монархистом – принадлежал, как тонко выражались тогда, «к оппозиции Его Величества». Князь выбрал свою дорогу, решив, что ради чести древнего имени и будущего детей, он должен примириться с правительством. В декабре 1828-го – январе 1829 года Вяземский пишет свою «Исповедь» – обширный документ, в котором с достоинством излагает свои взгляды и идеи, принося извинения императору за резкость, с которой он высказывал их. Исповедь князя была в феврале 1829 года отослана Жуковскому в Петербург, а через того передана графу Бенкендорфу, затем императору Николаю I. Тот потребовал от князя Петра Андреевича личных извинений перед собою и братом своим, великим князем Константином, наместником Варшавы. Была ли эта аудиенция или нет, неизвестно, но раскаявшийся «республиканец-монархист» уже в феврале 1830 года получил первое государственное назначение – он стал чиновником по особым поручениям при министре финансов графе Канкрине. Должность была более чем почетная.

Пушкин беззлобно подшучивал над Вяземским в письмах того времени: «Настоящая служба твоя – при графине Фикельмон. Она удержит тебя в Петербурге...» (дословная фраза из письма 1831 года) – намекая на его бурные успехи в светских салонах, на установившиеся теплые личные отношения «с посланницей богов, посланницей австрийской» (выражение самого Вяземского). Впрочем, отношения эти больше были похожи на «влюбленную дружбу».

Вяземский был удивительно жизнерадостный человек. Иронизировал, подтрунивал над собой, его язвительные остроты друзья записывали в альбомы, запоминали наизусть. Говаривали, что в его чувстве юмора есть что-то необычное, немного холодное, как бы ускользающее от понимания. А разгадка, возможно, заключалась в том, что в его жилах текла по материнской линии англоирландская кровь. Никто не видел его слез. Их почти не было и у

могилы дочери Полины, в цветущем и равнодушном Риме. Княгиня плакала навзрыд, почти теряя сознание, но он словно окаменел... Вернувшись в Петербург (май 1835-го), запирался в кабинете, заполнял заметками записные книжки. Вечерами приезжали немногие гости, вели негромкие разговоры с княгиней Верой, пили чай. Частенько заглядывал и Пушкин. Его приезду Вяземский бывал особенно рад, уводил в кабинет, где они сидели, вспоминая, или молчали, думая каждый о своем. Встречались на светских раутах – Пушкин казался задумчивым и желчным одновременно. По гостиним в то время уже ползли слухи о предстоящем скандале, недопустимом поведении Жоржа Дантеса. Но Вяземский был так поглощен своим собственным горем и печальными размышлениями, что не придавал должного значения этой, как ему казалось, затянувшейся светской сплетне. Как же он казнил себя за то, что вернулся домой слишком поздно в вечер перед этой злосчастной дуэлью! На следующий день свершилось непоправимое... Февральские снежинки падали на воротник его шубы, но он не замечал ничего. Гроб с телом Пушкина стоял в церковном подвале. Пушкина не было.

Сохранилось огромное количество писем Пушкина к князю – семьдесят четыре. Чуть больше было только к жене. Пушкин с признательностью и благодарностью отвечал на все замечания Вяземского, а особенно – на его критические статьи по поводу его ранних поэм: «Цыганы», «Полтава», «Кавказский пленник». Он писал Вяземскому: «Пусть утешит тебя Бог за то, что ты меня утешил! Приятно выслушать мнение о себе умного человека!» А, вспоминая о Пушкине, Вяземский говорил: «Он судил о труде моем с живым сочувствием приятеля и авторитетом писателя и опытного критика, меткого, строгого и светлого. Вообще, хвалил он более, нежели критиковал... День, проведенный с Пушкиным был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд».

Просматривая огромное количество критических заметок, статей и воспоминаний, посвященных Вяземским Пушкину, нельзя порою отделаться от мысли, что Вяземский как бы пытается загладить невольную свою вину перед поэтом. Был самым близким другом, а не сумел спасти, помочь, уберечь! Вяземский не защищался от этих обвинений – косвенных и прямых. Он так и пронес тяжесть их до самого конца. Его письмо о последних днях жизни Пушкина, написанное по просьбе Жуковского, исполнено горячей любовью к другу. Там есть строки: «Разумеется, с большим благоразумием и меньшим жаром в крови и без страстей Пушкин повел бы это дело иначе... Но на беду, провидение дало нам в нем великого Поэта».

Рок как будто преследовал поэтов того времени. В 1931 году Пушкин глубоко переживал уход своего близкого друга Антона Антоновича Дельвига, которого еще недавно (и так бесконечно давно!) поздравлял с женитьбой: «Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига, – писал он под впечатлением понесённой потери. – Без него мы точно осиротели. Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас».

Взаимные отношения Пушкина и Дельвига представляют собою редкий и умильный пример: дружба их была на редкость тесная, основанная на взаимном понимании и уважении; с момента вступления в Лицей. В 1815 году Дельвиг писал:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Апполон на Олимп торжествующий.

Когда Дельвиг задумал жениться, Пушкин, узнав о предстоящей перемене в судьбе друга, принял весть с волнением. «Женится ли Дельвиг? Опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! Жаль, что я не буду его шафером», – писал он Плетневу в середине июля 1825 года из Михайловской ссылки, где незадолго до того посетил его Дельвиг, а вскоре писал самому Дельвигу: «Ты, слышал я, женишься в августе, – поздравляю, мой милый! будь счастлив, хоть это чертовски мудрено».

Пушкин не сомневался в выборе своего друга – невеста была дочерью просвещенного человека, «почетного гуся» «Арзамаса» (литературного кружка), Михаила Александровича Салтыкова, – но мизантропически тогда настроенный, не верил вообще в человеческое счастье. Однако, когда свадьба друга состоялась, он радостно-шутливо приветствовал своего друга и его молодую жену...

В доме Дельвигов часто устраивались литературно-музыкальные вечера, но желанного семейного счастья из-за увлекающегося характера супруги не было, что четко отразилось в единственном посвященном жене стихотворении:

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

Впрочем, Софья Михайловна старалась создать дома атмосферу дружеского общения и веселья. Часто исполнялись романсы на стихи Языкова, Пушкина и самого Дельвига. После того как молодой композитор Алябьев написал музыку на слова его стихотворения «Соловей», романс запела вся Россия. Сырой климат Петербурга не подходил Дельвигу, он простужался и часто болел, но уехать куда-то отдохнуть не имел возможности – мешали издательские заботы и нехватка средств. Очень тяжело он переживал разлуку с друзьями-декабристами: Пушиным, Кюхельбекером, Бестужевым, Якушкиным. Старался поддерживать их письмами, посылками – всем, чем мог. Это тоже вызывало тихое недовольство власти. Официальной причиной внезапной смерти Дельвига считается тяжелый разговор с начальником III Отделения графом Бенкендорфом в ноябре 1830 года. Бенкендорф обвинил Дельвига в неподчинении властям, печатании недозволенного в «Литературной газете» и пригрозил ссылкой в Сибирь ему, Пушкину и Вяземскому. Дельвиг вел себя столь мужественно, достойно и хладнокровно, что в конце разговора граф, вспомнив о дворянском достоинстве, вынужден был извиниться: Дельвиг спокойно вышел из кабинета. Но когда он

вернулся домой, то вскоре слег в приступе нервной лихорадки, осложнившейся воспалением легких.

Причиной же неофициальной, но эмоционально более понятной была банальная супружеская измена. По воспоминаниям Евгения Баратынского (малоизвестным и никогда не публиковавшимся), поэт, вернувшись домой в неурочный час, застал баронессу в объятиях очередного поклонника. Произошла бурная сцена, София Михайловна и не пыталась оправдаться, упрекала мужа в холодности и невнимании. Тяжелые впечатления от разговора с Бенкендорфом и семейная трагедия привели к тяжелому приступу нервической лихорадки. Все осложнилось простудой. Полтора месяца Дельвиг провел в постели. Одна ночь облегчения сменялась двумя ночами приступов кашля, озноба и бреда. Врачи пытались облегчить страдания больного, но безуспешно. 14 (26) января 1831 года Антона Дельвига не стало. Он умер, не приходя в сознание, шепча в горячечном бреде одно и то же: «Сонечка, зачем ты сделала это?!» В доме поспешно разобрали нарядно украшенную елку. Завесили черным кружевом зеркала. Зажгли свечи. Кто-то открыл створку окна. Порывом ледяного ветра свечу задудло. На секунду все погасло во мраке. И тут послышалось пение: София Михайловна, не отходившая последние дни от постели мужа, заливаясь слезами и глядя его похолодевшие руки, бархатным контральто пыталась вывести первые строки романа ее мужа:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?

Голос сорвался на самой высокой ноте. Ответом скорбному пению была лишь пронзительная тишина. Спустя несколько месяцев после смерти Дельвига, баронесса София Михайловна Дельвиг вышла замуж за брата поэта Евгения Баратынского – Сергея Абрамовича. Он и был тем поклонником, которого застал в своем доме в поздний час барон Дельвиг. Всю свою жизнь София Михайловна не могла сдерживать слез, слыша первые такты «Соловья». В доме Баратынских этот романс никогда не исполнялся.

Брат Сергея – поэт «пушкинской плеяды» Евгений Баратынский (правильно – Баратынский) родился в 1800 году. Мальчик рано познакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и с восьми лет уже писал по-французски письма. В декабре 1812 года, окончив пансион, он стал воспитанником Пажеского корпуса, этого привилегированного заведения, атмосфера которого, видимо, резко отличалась от той, в какую попал Пушкин в Лицей. В письме Жуковскому Баратынский подробно рассказал о пребывании в корпусе: о друзьях («резвые мальчишки») и недругах («начальники»), об «обществе мстителей», возникшем под влиянием «Разбойников» Шиллера («Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу...»). Мстительные забавы завершились прискорбно – участием в краже крупной суммы денег у отца товарища, после чего последовало исключение из корпуса в 1816 году. По личному приказу Александра I Баратынскому «за негодное поведение» строжайше запрещалось отныне служить где-либо, кроме как в армии – рядовым! Нетрудно представить смятенное состояние чувствительного, пылкого, щепетильного юноши.

Воспоминание о провинности сидело в Баратынском, как гигантская заноза, не давало покоя его совести и самолюбию. Он по-прежнему тяготился своим клеймом позора и три года тщетно надеялся на высочайшее прощение. Так и не дождавшись, в начале 1819 года Баратынский, по совету родных, отправился в Петербург и поступил рядовым в лейб-гвар-

дии Егерский Его Величества полк. Через приятеля по Пажескому корпусу он познакомился с Дельвигом, который стал ему особенно близок. Баратынский показал ему свои стихи. Тот познакомил его с Жуковским, Плетневым, Федором Глинкой, Кюхельбекером и Пушкиным. Баратынский стал посещать их дружеские вечера...

Попытки друзей добиться офицерского звания для Баратынского долго наталкивались на отказ императора, причиной которого был независимый характер поэта и оппозиционные высказывания, которые часто можно было слышать от него. О снятии наказания хлопотали Александр Тургенев (брат декабриста Николая Тургенева), Вяземский, Жуковский, страстное участие в его судьбе принимал Пушкин. Сам находясь в Михайловской ссылке, он писал брату в начале 1825 года: «Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать?.. Где вестник искупления? Бедный Баратынский, как подумаешь о нем, так поневоле постыдишься унывать...» Не только по доброте своей писал так Пушкин, но и потому, вероятно, что прекрасно чувствовал драматизм самоощущения самолюбивого человека, попавшего в столь двусмысленное положение. «Уведомь о Баратынском, – писал он опять брату через некоторое время, – свечку поставлю за Закревского, если он его выручит...» Только в апреле 1825 года, после почти семи лет военной службы нижним чином, Баратынский наконец был произведен в офицеры, что давало ему возможность распоряжаться своей судьбой.

В 1825 году Баратынский женился на дочери генерал-майора Энгельгардта Анастасии Львовне и скоро вышел в отставку. Еще до женитьбы Баратынский писал: «В Финляндии я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мере, довольно обильную в красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам...» Баратынский оказался прав, и его жизнь после 1826 года стала однообразной. Его жена не была красива, но отличалась умом и тонким вкусом. Ее беспокойный характер причинял много страданий Баратынскому и повлиял на то, что многие друзья от него отделились. В мирной семейной жизни постепенно сгладилось в Баратынском все, что было в нем буйного, мятежного. Он сознавался сам:

Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщен их буйным счастьем,
И заменил его теперь
Пристойным, тихим сладострастьем.

В свете Баратынские появлялись редко. Они любили подолгу жить в поместье Мураново (позднее принадлежавшее Тютчевым).

Пушкин познакомился с Баратынским в 1819 году и едва ли не первый оценил своеобычность его поэтического дара, стал ревностным пропагандистом его поэзии. Однако Баратынский, восхищаясь «Полтавой», «Борисом Годуновым», «Повестями Белкина», находил слабым величайшее творение Пушкина – «Евгений Онегин». Об их личных отношениях лучше всего сказал сам Пушкин в письме к Плетневу, получив известие о смерти Дельвига, их общего друга: «Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё». В сущности, в этих словах он назвал Баратынского в числе немногих самых близких людей, оставшихся у него на земле. Современники видели в Баратынском талантливого поэта, но поэта прежде всего пушкинской школы; его позднее творчество критика не приняла. Баратынского стали прямо обвинять в зависти к Пушкину; критики высказывали также предположение, что Сальери Пушкин списал с Баратынского.

В письме Плетневу в 1839 году Баратынский подводил итоги: «Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения... Хочется солнца и досуга, ничем не преры-

ваемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной». А в эти десять лет вместились, помимо семейных забот и праздников, встречи с Пушкиным и Вяземским, знакомство с Чаадаевым и Мицкевичем, смерть Пушкина, слава и смерть Лермонтова (о котором Баратынский не обмолвился ни словом), повести Гоголя (которые он приветствовал) и, наконец, дружба и разрыв с Иваном Киреевским, талантливым критиком, издателем журнала «Европеец». Нелегкий, «разборчивый», взыскательный характер вкупе с некоторыми творческими задачами поставили Баратынского в особое, обособленное положение и в жизни, и в литературе: он «стал для всех чужим и никому не близким» (Гоголь). Жена, которую он очень любил, была человеком интересным и преданным ему, но не могла заменить утраченные надежды и дружбы. Отказ от «общих вопросов» в пользу «исключительного существования» вел к неизбежному внутреннему одиночеству и творческой изоляции. Только высокая одаренность и замечательное стремление к самообладанию помогли Баратынскому достойно ответить на вызов, брошенный ему «судьбой непримиримой». Ведь еще в 1825 году он написал:

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз...
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел...

Весной 1844 года Баратынские отправились через Марсель морем в Неаполь, в Италию, которую поэт любил с детства, наслушавшись о ней от своего воспитателя-итальянца. Здесь он пишет свое последнее стихотворение «Дядьке-итальянцу», в котором вспоминает Россию, где итальянец «мирный кров обрел, а позже гроб спокойный». Перед отъездом из Парижа Баратынский чувствовал себя нездоровым, и врачи предостерегали его от влияния знойного климата южной Италии. Едва Баратынские прибыли в Неаполь, как с Анастасией Львовной сделался один из тех болезненных припадков (вероятно, нервных), которые причиняли столько беспокойства ее мужу и всем окружающим. Это так подействовало на Баратынского, что у него внезапно усилились головные боли, началась лихорадка, и на другой день, 29 июня (11 июля) 1844 года, он скоропостижно скончался. Смерть прервала его голос, может быть, именно «в высших звуках», ибо в «Пироскафе» (1844), открыто мажорном, «италийском», есть явно итоговые, но и устремленные в будущее строки:

Много земель я оставил за мною,
Вынес я много смятений душою
Радостей ложных, истинных зол,
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов,
Подняли якорь, надежды символ!

Из Неаполя тело поэта перевезли на родину и похоронили на Тихвинском кладбище в Александро-Невской лавре, неподалеку от баснописца Крылова, скончавшегося в том же году. На могиле поэта выбиты строки из его стихотворения:

Господи, да будет воля Твоя!
В смиреньи сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

Его слова.

Анастасия Львовна Баратынская пережила мужа на 16 лет и умерла в 1860 году. Тогда же на Тихвинском кладбище были установлены два однотипных надгробия – гранитные стелы с барельефным портретом, выполненным скульптором В. П. Крейтаном. Однако первоначальный барельеф на могиле Баратынского не сохранился и в 1950 году был заменен новым (скульптор Н. В. Дыдыкин).

Яркий поэт, представитель пушкинской плеяды, Баратынский прожил короткую жизнь. Он оставил русской литературе три поэмы да три небольших сборника стихов (1827, 1835 и 1842). Суровый приговор Белинского, бесповоротно осудившего поэта за его отрицательные воззрения на «разум» и «науку», предопределил отношение к Баратынскому ближайших поколений. После смерти Баратынского Белинский, который имел много претензий к поэту, все-таки признавал: «Мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека – предмет вечно интересный для человека».

Литературоведение второй половины XIX века считало Баратынского второстепенным, чересчур рассудочным автором. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона оценивает его так: «Как поэт, он почти совсем не поддаётся вдохновенному порыву творчества; как мыслитель, он лишён определённого, вполне и прочно сложившегося мирозерцания; в этих свойствах его поэзии и заключается причина, в силу которой она не производит сильного впечатления, несмотря на несомненные достоинства внешней формы и нередко – глубины содержания». Глубоко своеобразная поэзия Баратынского была забыта в течение всего столетия, и только в самом его конце символисты, нашедшие в ней столь много родственных себе элементов, возобновили интерес к его творчеству, провозгласив его одним из трех величайших русских поэтов наряду с Пушкиным и Тютчевым.

Николай Карамзин 1766–1826

Прости

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен
За что меня любить?

Простое сердце, чувство
Для света ничего.
Там надобно искусство –
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)
Не знал – и, ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива – покойна,

Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу – ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горячих,
Желать конца – прости!

1792

«Законы осуждают...» ***Песня из повести «Остров Борнгольм»***

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Люблю – любить ввек буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостные души,
Жестокие сердца!

Священная Природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;

Твои дары благие
Украсили ее
Природа! ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!
Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.

О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!

Еще ли ты, о Лиля,
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?

Явися мне, явися,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.

1793

К СОЛОВЬЮ

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травой.
Я остался сиротою...
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем Природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному —
Свет пустыня, мрак ему.
Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

1793

Странность любви, или бессонница

Кто для сердца всех страшнее?
Кто на свете всех милее?
Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?» –
Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких;
Не блистает острою,
И движеньем глаз своих
Не умеет изъясняться;
Не умеет восхищаться
Аполлоновым огнем;
Философов не читает
И в невежестве своем
Всю ученость презирает.

Знайте также, что она
Не Венера красотою –
Так худа, бледна собою,
Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!..

«Что ж такое думать должно?
Уверяют старики
(В этом деле знатоки),
Что любовь любовь рождает, –
Сердце нравится любя:
Может быть, она пленяет
Жаром чувств своих тебя;
Может быть, она на свете
Не имеет ничего
Для души своей в предмете,
Кроме сердца твоего?
Ах! любовь и страсть такая
Есть небесная, святая!
Ум блестящий, красота
Перед нею суета».

Нет!.. К чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вам, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нежной, страстной не бывала
И с любовью на меня
Глаз своих не устремляла.
Нет в ее душе огня!
Тщетно пламенем пылаю –
В милом сердце лед, не кровь!
Так, как Эхо, иссыхаю –
Нет ответа на любовь!
Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!
Ядовитою стрелою
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И ученых кабинет
В жалкий Бедлам превращая,
Где безумие живет!
Счастлив, кто не знает страсти!
Счастлив хладный человек,
Не любивший весь свой век!..
Я завидую сей части
И с Титанией люблю
Всем насмешникам в забаву!..
По небесному уставу
Днем зеваю, ночь не сплю.

1793

Василий Жуковский 1783–1852

Цветок Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел –
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.